

Был музей в Ольгове

Е. Кончин,
журналист

Упоминания об Ольгове, что близ Дмитрова, восходят к XVII веку. Тогда оно называлось Льгово и принадлежало Чаплиным. На дочери А. И. Чаплина женился С. Ф. Апраксин, и с тех пор Ольгово превращается в фамильное поместье рода Апраксиных. Усадьба стала стремительно расти, приумножаться и «округляться». Принято считать, что автором дворца был итальянский архитектор Франческо Кампорези. В Ольгово он создал одно из лучших своих творений.

Своего расцвета Ольгово достигло при Степане Степановиче Апраксине, который был женат на дочери Н. П. Голицыной (пушкинской «Пиковой дамы») — Екатерине Владимировне. Он жил широко, открыто, хлебосольно. «Вечера у Апраксиных» были знаменитыми в Москве, они упоминаются в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. Празднества проводились с блеском, выдумкой, на них съезжалось множество гостей. Подчас увеселения продолжались в Ольгово. И, казалось, ничто не могло их нарушить. Известно, что московский генерал-губернатор Дмитрий Владимирович Голицын отложил на сутки обнародование вести о кончине императора Александра I только потому, чтобы не отменить очередного бала, устроенного его сестрой Екатериной Владимировной Апраксиной.

К 1917 году Ольгово — одно из богатейших в Подмоскowie. Здесь почти в неприкосновенности сохранялась обстановка XVIII—XIX веков — с огромной фамильной портретной галереей, богатейшим собранием живописи и скульптуры, множеством дорогих изделий из бронзы, серебра, фарфора, хрусталя, старинной мебели, ценной библиотекой и семейным архивом, служебными постройками, ухоженными парком, прудами. После Октябрьской революции усадьба перешла в ведение местного волостного совета, который сохранял ее имущество в неприкосновенности. Бережное отношение к ценностям Ольгово объяснялось еще тем, что за их целостностью внимательно следили — вначале московская Комиссия по охране памятников искусства и старины, а затем, с середины 1918 года, Музейный отдел Народного комиссариата просвещения. Ольгово входит в число под-

московных поместий, которые подлежат обязательному сохранению, оно упоминается в важнейших правительственных документах. Уже 23 сентября 1918 года Наркомпрос специальной охранной грамотой за подписью заместителя наркома М. Н. Покровского и заведующей Музейным отделом Н. И. Троцкой берет Ольгово на государственную охрану со всеми постройками и имуществом в них находящимся.

Это государственное право нужно было постоянно подтверждать, поскольку волостной и уездный совдепы претендовали на некоторые помещения, на часть вещей. Борьба за Ольгово проходила трудно, сложно, сопровождалась энергичной перепиской. Более того, почти ежемесячно в Ольгово наведывались эмиссары Музейного отдела, вооруженные весомыми мандатами и широкими полномочиями. Они произвели учет значительных в историко-художественном отношении вещей, некоторые из них вывезли в Москву. Но этого было недостаточно. В Ольгово необходимо было организовать музей, что могло гарантировать сохранность ольговских богатств.

Организатором музея, открытого в начале 1919 года, стал сотрудник Музейного отдела Юлиан Павлович Анисимов. В Ольгово, судя по архивным бумагам, он бывал часто, подолгу здесь оставался. С его именем связан, быть может, самый примечательный период в биографии старинного имения. Именно Юлиан Павлович впервые написал об истории Ольгово, его архитектурном ансамбле, его достопримечательностях, определил его место в русской культуре.

Юлиан Павлович Анисимов родился в 1886 году в Москве, в дворянской семье. Получил прекрасное образование. Вначале в Москве, затем в Париже, в Сорбонне. Здесь же закончил Высшую художественную школу, брал уроки живописи у знаменитого французского художника Анри Матисса.

Многими дарованиями обладал этот застенчивый, немногословный человек, часто как будто уходивший в себя и отрешившийся от окружающей суеты. Какая из его многих профессий была истинной? Художник писал, по отзывам современников, яркие, сочные пейзажи, отмеченные влиянием французских постимпрес-

Ольгово.
Гостиная

сионистов. Искусствовед. Его безошибочно тонкому и глубокому пониманию искусства удивлялись специалисты. Музейный работник, умеющий найти закономерную совместимость совершенно разных предметов. Переводчик, в совершенстве знавший несколько европейских языков. Наконец — поэт, автор нескольких поэтических сборников.

Музейная же деятельность Анисимова началась после Октябрьской революции и связана, очевидно, была с вынужденными житейскими обстоятельствами — война, голод, разруха. Словом, надо было где-то служить. И 20 июня 1918 года Юлиан Павлович становится сотрудником Музейного отдела Народного комиссариата просвещения. Назначается членом коллегиального руководства — самого «горячего» подотдела провинциальных музеев. А это означало — бесчисленные командировки в далекую и близкую провинцию, чтобы спасти картины или коллекцию фарфора, библиотеку или фамильный архив, организовать их временное сохранение или музей. Это требовало от эмиссара стойкости, силы характера, организаторских способностей, умения убеждать крестьян или местный совдеп, а когда нужно — и власть употребить.

Наверное, неожиданно для самого Юлиана Павловича эти качества раскрылись в нем самым блестящим образом, и Анисимов в несколько месяцев выдви-

нулся в число энергичных и надежных сотрудников Музейного отдела Наркомпроса. Ему поручали сложнейшие, тяжелейшие дела. Поэтому к нему в полной мере относятся слова наркома просвещения А. В. Луначарского о том, что эти сотрудники «совершили положительное чудо» в сохранении национального культурного достояния.

Анисимов обладал удивительным даром — все, за что он ни брался, делал с таким высоким профессионализмом, что специалисты признавали его своим. Будь то художники, искусствоведы, музейщики или литераторы. Завидно талантливым он был человеком. Ольгову повезло, что именно он отдал несколько лет своей жизни усадебному музею.

В 1923 году Анисимов в журнале «Красная Нива» поместил небольшую статью о дворце Апраксиных, его художественных богатствах. А в 1925 году в четвертом выпуске серии «Подмосковные музеи» выходит отдельной книжкой (вместе с рассказом о Дубровицах А. Греча) большой его очерк-путеводитель «Ольгово». Каким же был этот музей? «Один из интереснейших среди ему подобных, — сообщает Юлиан Павлович, — в течение двухсот лет Ольгово оставалось во владении одной семьи, и изменения, вносимые каждым последующим поколением, не уничтожили его прошлого облика, ложась только новыми, легко различимыми пластами. Перехода

от одного ольговского здания к другому, рассматривая его сменяющиеся, бесчисленные комнаты, вы как бы движетесь во времени. Перед вами последовательно развертывается бытовая повесть двух столетий, отделяющих нас от времени Петра I.

В Ольгово было все, чем славилась классическая русская усадьба. Величественный дворец с боковыми флигелями и галереями, ухоженный парк, украшенный статуями, беседками, павильонами, оранжереями; пруды с забавными названиями «Белый воробей», «Черный воробей», «Малиновый воробей», множество хозяйственных построек. И конечно же, роскошное убранство бесчисленных залов, гостиных, будуаров, столовых, библиотек, лакейских, девичьих, комнат, предназначения которых сразу и не определишь. Все это «является живым отзвуком XVIII—начала XIX века со всеми причудами тогдашнего, одновременно грубого и утонченного быта».

Осмотр музея начинали с лакейской, обставленной в так называемом «китайском» стиле. Ничего истинно китайского здесь, разумеется, не было. Вычурная мебель, люстры, фонарики, шторы, другие «китайские» предметы были изготовлены местными мастерами. И почему-то в «Китайском» зале висели огромные живописные полотна французского художника Ш.-Б. Митгара, на которых изображались подвиги фельдмаршала С. Ф. Апраксина. Здесь же, «кроме этих картин, наверху, под самым карнизом, висит множество портретов, копии работ местных крепостных, беспомощных по живописи и одинаковых по размеру, как бы предназначенных служить фризом». Сурово судит о них Юлиан Павлович. В наше время к этим полотнам относятся более благожелательно, положительно оценивая даровитость ряда крепостных художников. А в историческом отношении они представляют несомненный интерес.

В библиотеке, в больших деревянных шкафах, также местной работы, хранились книги, в основном на английском и французском языках. Тематика? Военная, сельскохозяйственная, религиозная, мемуары, гербовники, комплекты старых журналов, альбомов с рисунками и гравюрами, тщательно переплетенные «ревизские сказки». На стенах висели портреты генералов, сподвижников С. Ф. Апраксина.

В гостиной нас ждет встреча с портретом Мятлевой, который, по словам Анисимова, «имеет все явные признаки рококовской школы». В блестящей статье о творчестве Рокотова, опубликованной в 1938 году в журнале «Искусство», Юлиан Павлович снова и еще более опре-

деленно относит «Мятлеву» кисти Рокотова, что позже полностью подтвердилось.

Лишь в одном он ошибся: на полотне была изображена не Мятлева, а ...Наталья Петровна Голицына. И это открытие в 1950-х годах было сенсационным. В это время портрет уже находился в Дмитровском краеведческом музее.

Продолжим экскурсию по дворцу. Выдвижная, с зеркалом дверь соединяет гостиную со столовой. И здесь — картины, акварели, гравюры. Над окнами — гипсовые рельефные изображения предков рода Апраксиных. Центральное место над входной дверью занимает царица Марфа Матвеевна, затем — легендарный Апракса. Подписи под многими портретами: «убит», «умер от ран» показывают, что Апраксины выбирали военное поприще. Закрывает среднее окно залы огромный портрет фельдмаршала С. Ф. Апраксина, самого популярного из представителей этой фамилии. Экспонируются портрет в рост С. С. Апраксина, исполненный тем же Митгаром, прелестный портрет его сестры Е. С. Куракиной, написанный, очевидно, П. Ротари.

В столовой Юлиан Павлович сообщает нечто интригующее. Оказывается, в 1917 году Ольгово пытались ограбить. Неизвестные влезли через окно в зал и хотели унести фамильные портреты Апраксиных! Они снимали их со стен, торопились и повредили холсты. Сторож, услышав подозрительный шум, кинулся в зал и спугнул воров. Попытка похищения этих картин совершенно загадочна. Ведь и в этой комнате, и в других помещениях дворца находились более ценные в денежном отношении и менее громоздкие, чем полотна, вещи. Но пытались почему-то унести фамильные портреты. Нет, нет, это не случайно! Воры хорошо знали расположение комнат и что где лежит.

Вот какая странная история, которая становится еще более странной, поскольку имела продолжение шестьдесят лет спустя. Тогда эти фамильные портреты все же были выкрадены, но уже из Дмитровского музея, куда они были переданы из Ольгово. Простое ли это совпадение?..

В следующем зале наше внимание привлечет прекрасная деревянная мебель, по большей части своя, ольговская, изготовленная крепостными мастерами. Ее было настолько много, что Анисимов шутил заметил: «Любопытно видеть, что люди того времени... старались загромоздить зал, как можно больше, видя уют в тесноте». Чего тут только не было! Длинный обеденный стол с закругленными концами, стоявший в середине комнаты,

был окружен стульями красного дерева. В простенках стояли наборные столики. Между колонн вдвинулись шкафы, огромный буфет, легонькие шкафчики Жакоб. Перед колоннами — тоже набор мебели Жакоб, но уже другого рисунка, со звездообразными щитками, украшенными бронзовыми рельефами, массивное трюмо и английские напольные часы. По углам торчали деревянные резные канделябры. В углу была устроена молельня с иконами, аналоем и тяжелыми церковными подсвечниками.

Главной же достопримечательностью зала было великолепное ампирное кресло, по преданию, изготовленное по указанию С. С. Апраксина ольговскими мастерами для Екатерины II, приезд

которой ожидался в имении. Тяжелые грифоны поддерживали его ручки, на спинке — левкасные украшения строгого рисунка. Сохранилась даже красная бархатная обивка кресла.

Интерьер спальни отличался простотой. Хотя и здесь была мебель отличной работы, и картины, и гравюры. Вот — акварельный портрет В. В. Апраксина в детстве, писанный П. Ф. Соколовым, которого владельцы Ольгово весьма примечали; рисунок В. Гау, портрет В. Н. Апраксиной, выполненный Юоном в Неаполе в 1849 году, акварель Рокшуля, датированная 1917 годом. Работы как работы, если б не одно немаловажное обстоятельство. Они появились здесь лишь после устройства музея. Дело в

Ольгово.
Уголок
столовой

том, что Анисимов обнаружил эти акварели и рисунки в кладовой, среди ненужного хлама и рухляди. Они находились в ужасном состоянии — грязные, поврежденные, покрытые плесенью. Словом, обреченные на неминуемую гибель.

Как эти листы туда попали? Наверное, кто-то из последних владельцев усадьбы производил ремонт зала, вынес их в кладовую и забыл. А ведь некоторые из них были известны искусствоведам, они экспонировались на выставках. Если б не Юлиан Павлович, кто знает, уцелели бы они вообще...

И снова — встреча с Натальей Петровной Голицыной. На этот раз в девичьей. С ее искусно исполненной миниатюрой — копией портрета Митуара, очевидно, им же повторенной. Если судить по столь многочисленным изображениям княгини в Ольгово, то она, за исключением разве Степана Федоровича и Степана Степановича Апраксиных, пользовалась здесь несомненным почитанием. Такого числа ее живописных и гравированных «кликов» не было, наверное, ни в ее собственном доме в Петербурге на Гороховой улице, ни в фамильном имени Голицыных в Грузинах Новгородской губернии.

Не буду вслед за нашим гидом обходить остальные помещения дворца, упоминать обо всех предметах, которые там находились. Это составило бы длинный перечень, который показал бы, прежде всего, какими несметными сокровищами обладало Ольгово. Отмечу лишь богатую коллекцию фарфора, собранную в буфетной. В небольшой проходной комнате располагалась оружейная. Здесь экспонировалось разнообразное холодное и «горячее» оружие — настоящее, парадное и декоративное.

Еще редкая коллекция — сотни старинных кафтанов, в большинстве принадлежавших С. С. Апраксину. «Слегка выцветшие, из шелка или бархата, с изумительными вышивками, переливающимися многоцветным узором и гранеными блесками, они были особенно ценны здесь, где еще жива обстановка, окружавшая людей, появляющихся в этих гостиных. И в теперешнем Ольгово из всех этих деталей действительно слагается картина давно ушедшего быта».

Выйдем из дворца и неподалеку от левого флигеля главного усадебного дома увидим с виду неказистое приземистое здание, в котором некогда размещался знаменитый театр Апраксиных. Когда Анисимов внимательно осмотрел его помещения, то нашел кипы полуистлевших нот и партитур. Несколько десятилетий они провалялись здесь в полном небрежении, портились, растаскивались, покрывались грязью и плесенью. А партитуры

были интересными, редкими, подчас единственными. Кое-что с большим трудом удалось отреставрировать, уникальный нотный архив отправили в библиотеку Московского Румянцевского музея.

Документов о деятельности музея в Ольгове сохранилось немного. В Московском областном архиве я отыскал его переписку с Отделом по делам музеев Главнауки Наркомпроса, с Московским областным отделом народного образования «МОНО» лишь за 1925—1927 годы. Переписка горестная. Она рассказывает о тех, подчас неодолимых трудностях, которые испытывал музей в это самое тяжелое, драматическое время своего существования. 15 ноября 1925 года состоялось решение Совета Народных Комиссаров, по которому усадебные музеи из ведения Главнауки Народного комиссариата просвещения передавались на бюджет местных органов власти, в данном случае Музейного подотдела (губмузея) Московского областного отдела народного образования (МОНО). Таким образом, музей лишился могущественного покровителя и квалифицированного руководителя. МОНО же никакими особыми преимуществами не обладал, к тому же не имел средств на содержание свалившегося на него огромного, требующего больших забот хозяйства. У него не было денег даже на косметический ремонт музейных зданий. К тому же МОНО, предельно занятый такими неотложными и главными для него делами, как ликвидация неграмотности и школьного образования, не мог достаточно профессионально заниматься усадебными музеями. Поэтому большинство из них в 1925—1927 годах закрывается. В том числе и Ольгово. Богатства усадьбы были переданы частью в Москву, но в большинстве своем в Дмитровский краеведческий музей.

...Что же стало с Ольгово? Был там и санаторий, принадлежали постройки и местному совхозу, который довел их «до ручки», а здесь и — война. В каком оно состоянии ныне пребывает? Ездил я в Ольгово. Уже ворота являли собой картину разрушения и заброшенности. Главный усадебный дом Апраксиных, огороженный, не знаю уж зачем, стыдливым заборчиком, находится в руинах. Парк и пруды заброшены и гибнут.

Словом, некогда величественный памятник русской культуры превратился в «памятник» нашего невежества и равнодушия. Правда, в последние годы московская и дмитровская общественность забила тревогу, на ее призывы как будто откликаются и местные власти. Но пока только идут разговоры о восстановлении некогда прославленной усадьбы, хотя бы главного ее дворца.

